

УДК 821.111-31.73
ББК 84(7 Сое) 44
У35

Emily Wibberley, Austin Siegemund-Broka
ALWAYS NEVER YOURS

Публикуется с разрешения авторов
и их литературных агентов,
Donald Maass Literary Agency (США)
при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод *Дарьи Алюковой*

Уибберли, Эмили, Сигмунд-Брока, Остин.

У35 Навеки не твоя / Эмили Уибберли, Остин Сигмунд-Брока; пер. с англ. Д. Алюковой. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Молодежный роман).

ISBN 978-5-17-116763-9

Меган Харпер не понаслышке знает, что такое разбитое сердце. Семь раз она влюблялась, и семь раз ее бросали ее ради другой девушки. Меган привыкла оставаться за кулисами — и в жизни, и на сцене школьного театра. Поэтому, когда она внезапно получает главную роль в постановке «Ромео и Джульетта», это грозит обернуться катастрофой. И делу совсем не помогает то, что Ромео — ее бывший парень, безумно влюбленный в лучшую подругу Меган.

Но ей надоело играть второстепенные роли в собственных любовных историях. Когда в театре появляется красавчик Уилл, Меган настроена завоевать сердце парня раз и навсегда. Для этого она заключает сделку с его лучшим другом Оуэном: в обмен на помощь с новой пьесой Оуэн поможет ей влюбить в себя Уилла. Сможет ли Меган наконец стать для парня «той самой» - или окажется с разбитым сердцем в восьмой раз?

УДК 821.111-31.73
ББК 84(7 Сое) 44

Copyright © 2018 by Austin Siegemund-Broka
and Emily Wibberley

© Д. Алюкова, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-116763-9

Нашим родителям

Глава 1

РОМЕО:

Любовь-то штука нежная? Она
Груба, свирепа, зла, колюча как репейник.

МЕРКУЦИО:

Грубит любовь — так сам груби ты ей*.

— Весь мир — театр...

Брайан Андерсон уродует эту реплику. Я пытаюсь услышать позерство и почти что маниакальность, вложенные в нее Шекспиром, но от них нет и следа. Он с грехом пополам изображает английский акцент, совершенно не соблюдая пятистопный ямб.

— Давайте-ка прервемся на секунду, — перебиваю я, вставая и расправляя складки на джинсовом платье.

— Меган, можем мы хоть одну сцену пройти целиком? — ворчит Брайан.

Я бросаю на него быстрый взгляд и выхожу в центр импровизированной сцены, которой сегодня служит холм неподалеку от театрального класса. Наша учительница театрального искусства, мисс Хьюитт (которую все называют просто Джоди), отправила нас на улицу репетировать любую шекспировскую сцену

* Здесь и далее цитируется трагедия Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта» в переводе А. А. Григорьева.

на выбор. И под «отправила» я подразумеваю «выгнала за дерзость». Я выбрала этот холм как место репетиции, потому что подумала, что здешние сосны напоминают лес из «Как вам это понравится»*.

Теперь я осознала, как это было глупо.

— Мне кажется, мы не понимаем, о чем думают персонажи, — говорю я, не глядя на Брайана и обращаясь к группе. Нас тут всего четверо, идет середина шестого урока. У Джереми Хэндлера, стоящего рядом с Брайаном, на лице отчаяние, а Кортни Грин равнодушно строчит эсэмэску.

— Орlando, — поворачиваюсь я к Джереми, — в целом хороший парень. Он только потому хочет украсть у Герцога, чтобы помочь своему другу. А Жак...

Я запинаюсь. Зеленое пятно привлекает мое внимание; это футболка Стиллмонт Хай. Бицепсы, которыми невозможно не восхититься, выглядывают из рукавов. Волна каштановых волос, вечная ухмылка... Боже мой, как же мне хочется подойти и покетничать с Уайяттом Родсом.

Он крутит в пальцах разрешение на выход из класса, не спеша направляясь в сторону туалетов. Он выбрал хороший туалет, замечаю я. Просторный, уединенный, потому что он не рядом со шкафчиками. Идеально подходящий для того, чтобы там целоваться. Я могла бы подойти, похвалить его впечатляющие бицепсы, отвести в этот туалет и...

* Комедия Уильяма Шекспира, предположительно созданная в 1599 или 1600 году.

Но не сейчас. Если что и может удержать меня от флирта, то это постановка пьес Шекспира, а вкладываюсь я в этом деле на полную катушку.

— А Жак, — повторяю я, снова вживаясь в роль режиссера.

— Ладно тебе, Меган, — встречается Брайан. — Эта сцена даже не идет в зачет. Джоди плевать. Она просто хотела нас выгнать из комнаты. И ты сама знаешь, что все сейчас рассеянны.

Я открываю рот, чтобы возразить, что важна каждая сцена, когда раздается голос:

— Меган!

Я поворачиваю голову и вижу свою лучшую подругу, Маделайн Хект, бегущую вверх по холму, ее идеальный рыжий хвостик болтается сзади, а веснушчатые щеки покраснели от волнения.

— Я только из библиотеки, — продолжает она со сбившимся дыханием — Маделайн на шестом уроке работает добровольцем в зале учебной литературы. — И когда я проходила мимо театрального класса, то увидела, как Джоди вешает список ролей!

Услышав это, мои актеры роняют свои сценарии и исчезают за углом, явно направляясь к доске объявлений у входа в Центр искусств. Не пытаюсь подвить улыбку, я собираю сценарии.

Я режиссер, а не актриса, так что список ролей меня не так будоражит и пугает, как остальных одноклассников. Но в этом году мне предстоит дебют на сцене Стиллмонт Хай в одной из самых маленьких ролей в «Ромео и Джульетте», пьесе осеннего

семестра. Думаю, это будет синьора Монтекки или брат Джованни.

Я бы и не стремилась играть, если бы моей мечтой не было поступить в Театральный институт Южного Орегона. Это для Запада Америки как Джульбардская школа*, с одной из лучших программ по режиссерскому искусству в стране. Неизвестно почему, но у них есть условие: что каждый студент театрального факультета должен в резюме иметь сценическую роль — требование, которое я хочу выполнить, прилагая минимум усилий.

— Прогуляешься со мной? — спрашиваю я Маделайн.

— Само собой! — Она спешно забирает половину сценариев из моей стопки, так как привыкла при любой возможности всем помогать.

И в этот самый момент Уайятт Родс выходит из туалета. Я наблюдаю, прикусив губу, как он идет, высокий и уверенный. С моего расставания с предыдущим парнем прошло шесть месяцев. Пора переходить к следующему. Точнее, *давно* уже пора!

— Подожди здесь, — говорю я Маделайн.

— Меган...

Я не обращаю на нее внимания — я изголодавшийся по парням мотылек, который летит на огонь в футболке. Я рада, что утром потратила дополнительные

* Одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

десять минут на то, чтобы расчесать свои неизбежно путающиеся, длинные каштановые волосы. Я знаю, что у меня нет природной красоты Маделайн, но я не сказала бы, что я *не* красивая. Полагаю, я что-то среднее. Ноги у меня ни короткие, ни длинные. Лицо не круглое, но скорее *кругловатое*. Фигура не как у любительницы бургеров, но и не как у девушки, которая выходит на пробежку чаще раза в год.

Уайятт не замечает меня, увлеченный перебрасыванием разрешения на выход из одной руки в другую. Я зову его тренированным, отшлифованным голосом обольстительницы.

— Эй, Уайятт! — Я показываю рукой на его выраженные бицепсы. — А пресс у тебя такой же классный, как руки?

Не лучшая моя идея. Я давно не флиртвала. Честно говоря, это для меня что-то вроде обязательного пункта списка желаний на годы старшей школы — потискаться с действительно, действительно классным прессом, ну и с прилагающимся к нему парнем. И пока, спустя семь парней, среди которых были и спортсмены, и театралы, безуспешно.

Уайятт широко улыбается. Поверить не могу, что еще его не закадрила. То, что он великолепен, было понятно с самого начала старших классов, и мы флиртуем далеко не впервые. На первый взгляд не кажется, что из него получится идеальный бойфренд, но его сексуальность *обязана* предполагать и богатство внутреннего мира. Я так и вижу, как мы сидим, долго и вдумчиво беседуя за капучино...

— Только в те дни, когда я на завтрак съедаю одно буррито, а не два, — гордо отвечает Уайятт.

Ладно, *недолго* беседуя за капучино.

— Сегодня как раз такой день, — продолжает он. — Но ты не обязана верить мне на слово, — он соблазнительно оглядывает меня без малейшего удивления в голосе.

Не только потому, что он Уайятт Родс и знает о своей привлекательности. А потому, что у меня репутация прямолинейной девушки. Откровенной. Несдержанной. Не секрет, что у меня было семь парней, и я этого не стесняюсь. Я с удовольствием добивалась звания «главной кокетки класса».

Я уже хочу сказать, что принимаю предложение Уайятта, как чувствую на локте чью-то хватку.

— Пока, Уайятт, — нарочито громко прощается Маделайн, — нам надо в класс. — Она утягивает меня прочь от него, и низким (если не сказать — недовольным) голосом произносит: — О чем мы говорили, Меган? Уайятт Родс в черном списке. — Она медлит, а потом добавляет: — Он *первый* в черном списке.

— Нет, — отвечаю я, — директор Стоун первый. Маделайн раздраженно вздыхает.

— Ну ладно. Уайятт точно тогда второй. Ты сама его туда поместила, забыла? После того, как он в десятом классе на уроке английского спросил, какую книгу написала Джейн Эйр.

Я угрюмо киваю.

— А еще он ответил в опроснике для выпускного альбома, что его любимая книга — «Форсаж-7».

— Ты себе найдешь парня получше, чем Уайятт. Просто не торопись, — заверяет она меня, пока мы спускаемся с холма к Центру искусств. — Как ты думаешь, у Тайлера же нет конкурентов на роль Ромео, правда?

Тайлер Даннинг — парень Маделайн. Он с группой ребят как раз начинал репетировать «Макбета», когда Джоди выгнала нас.

— Конечно, нет, — легко отвечаю я.

Тайлер — лидер во всех отношениях. Высокий, широкоплечий, с темными кудрями — он очень сексуальный. Он играет в бейсбол весной и при этом умудряется заполучить главные роли во всех театральных постановках. С его харизмой и всеобщей популярностью Маделайн они точно главная пара Стиллмонт Хай.

— На кого у тебя прослушивание? — спрашивает Маделайн.

— Синьора Монтекки.

Она морщит нос.

— Кто это вообще?

— Вот именно, — ухмыляюсь я. — Это самая маленькая роль во всей пьесе.

Я ожидаю увидеть толпу у доски объявлений, когда мы заворачиваем за угол. Чего я не ожидаю — так это что все вдруг замолчат. Я замечаю на себе взгляды и слышу шепотки.

— Вы, ребята, ни капельки не странные, — бормочу я, пытаюсь звучать саркастически, несмотря на возрастающее беспокойство. Такое молчание мне

знакомо. Это молчание тех, кому ролей не досталось, когда под пристальными взглядами к эшафоту отправляются твои надежды попасть в пьесу. Впервые я чувствую то, что, должно быть, ощущали мои одноклассники, когда вывешивались списки ролей. Мой пульс ускоряется, дыхание из-за нервов учащается. Я живо представляю вежливые письма с отказом от Театрального института Южного Орегона, безрадостные визиты в другие колледжи зимой. Хотя я и не актриса, эта роль мне необходима.

Я приближаюсь к списку с бешено колотящимся сердцем и напряженно ищу свое имя в конце списка, где перечислены небольшие роли. Синьора Монтекки...

Я веду пальцем по соответствующей строчке. *Алисса Санчез*. Мое сердце замирает. Алисса была явной фавориткой на роль Джульетты. Джоди безжалостна. Дать ей эту роль — как ударить.

Читая список снизу вверх, я все никак не вижу своего имени. *Брат Джованни, Кормилица*... Глазам своим не верю. Даже после того, как я объяснила Джоди свою ситуацию, она меня подставила.

И тут я дохожу до верха списка.

Глава 2

Князь:

Печальнее не слыхано на свете
Сказанья о Ромео и Джульетте.

— Это какая-то ошибка, да? — За считанные секунды я протолкнулась сквозь толпу и распахнула дверь в кабинет Джоди. — *Джульетта?*

Я слышу, как что-то со звоном падает на пол. Кабинет Джоди выглядит как чердак, набитый сувенирами с каждой постановки в Стиллмонт Хай. Здесь афиши, реквизит и даже фрагменты декораций расставаны по полкам. Что-то похожее на медную дверную ручку катится по полу передо мной.

Джоди встает из-за стола, крупные бусины из бирюзы перестукиваются на ее шее.

— Ты недовольна, — отмечает она, рассматривая меня через свои ярко-красные очки. Они выглядят еще ярче на фоне ее седых волос. — Я думала, ты обрадуешься.

Я чувствую, как на плечи опускается груз. От нервозности в животе разверзается дыра.

— Это не ошибка? — спрашиваю я слабо. — Это не Энтони надо мной подшутил, и это не опечатка

неумелого девятиклассника, которого вы попросили напечатать список?

— Нет, неумелая здесь только я, — говорит Джоди с оттенком усмешки.

— Я проходила прослушивание на роль синьоры Монтеки, а не на главную! — Я едва удерживаюсь от истерики.

Она поднимает бровь без улыбки.

— Ну, ты получила главную, — говорит она ровно.

— Почему? Я не хочу. Не могу. Можно я буду кем-то другим? Кем угодно? — Я знаю, что звучу жалко.

— Ты просто нервничаешь, Меган. — Джоди скрещивает руки на груди, но тон ее смягчается. — Только на твоём прослушивании, да еще у Энтони Дженсона, чувствовалось истинное понимание материала. Я видела, как ты режиссировала шекспировские пьесы ранее, и знаю, что ты понимаешь пьесу. Ты Джульетта, хочешь ты этого или нет.

— Джоди, прошу, — теперь я действительно звучу умоляюще. — Вы же знаете, что я пришла на прослушивание только потому, что ТИЮО требует иметь такую строчку в резюме. Я никогда в жизни не играла на сцене.

— Это будет полезный опыт. Я не жду, что ты получишь премию «Тони», — говорит Джоди.

— Ну, вы же не хотите, чтобы пьеса «Ромео и Джульетта» стала комедией? Нет? Тогда...

— Меган, — она резко обрывает меня. — Ты пришла прослушивание. Ты получила роль Джульетты.

Соглашаться или нет — дело твое, но все остальные роли уже заняты.

Я знаю, что выбора нет — и Джоди тоже это знает. Уже конец сентября. Постановка — мой последний шанс получить роль на сцене перед тем, как подавать заявление в колледж в декабре.

— Вам это не понравится. — Я раздраженно вздыхаю и тянусь к двери.

Едва шагнув из кабинета Джоди, я впечатываюсь во что-то твердое и плоское.

— Оу, — слышу я голос сверху.

Ну конечно. Я делаю шаг назад и вижу ухмылку Тайлера на внушительной высоте сто восемьдесят сантиметров, или сколько там.

— Привет, Джульетта, — говорит он, и его глубокий голос производит на меня такой эффект, который, честно говоря, я бы не хотела испытывать. — Это немного неловко, а?

Тут меня осеняет. Тайлер — Ромео. А я — Джульетта.

Я быстро прихожу в себя.

— Идеально, мы с тобой в ролях тех, кому не суждено быть вместе.

Он смеется и поворачивается лицом к Маделайн, которая подошла и встала рядом с ним.

Не то чтобы это было важно, но мы с Тайлером встречались в прошлом году. А теперь нет. Теперь он с Маделайн, но я не ревную и не обижаюсь. В каком-то смысле я этого ожидала.

Откровенно говоря, нелюбовь к актерству — это не единственная причина, почему я не хотела роль Джульетты. Другая причина в том, что я не Джульетта. Я не из тех девушек, которые остаются в центре сцены в финале любовной истории. Я предыдущая — та девушка, с которой парень встречается перед тем, как встретить свою истинную любовь. Все мои отношения заканчивались именно так.

Взять хотя бы Тайлера. Он единственный парень, в которого я почти даже влюбилась, и он бросил меня полгода назад, чтобы начать встречаться с моей лучшей подружкой. Но я в порядке, правда. Все знают, что Тайлер и Маделайн созданы друг для друга. Кроме того, я к такому привыкла.

Это началось, когда мне было одиннадцать. Я только успела объявить Люси Реджис о том, что навеки влюблена в Райана Рейнольдса и мечтаю выйти за него замуж. И на следующий день мы узнали, что он женился на Блейк Лайвли. Не то чтобы это было настоящим примером. Но это было знамением.

Первый мальчик, которого я поцеловала (в седьмом классе), передал мне на уроке обществознания на следующий день записку, в которой сообщалось, что он собирается пригласить Саманту Вашингтон на выпускной. С тех самых пор они вместе. В девятом классе мой первый настоящий бойфренд изменил мне со своей соседкой, которой, как оказалось, была Люси Реджис. Они только что отметили свою третью годовщину.